

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА

А. Л. Дмитрировский

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 5 ноября 2020 г.

Аннотация: в статье изложены итоги длительного исследования методологического поля науки о журналистике и представлено описание полученной в результате «матрицы методов медиаисследования» (системы методов исследования журналистики). Объектом проведенного исследования выступила методология научного поиска, а предметом исследования стала совокупность методов исследования журналистики как целостная (континуальная) система. В качестве методологической базы применялись системный, триалектический, понятийно-категориальный подходы в рамках обусловившей их выбор философско-антропологической парадигмы.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики, философско-антропологический подход, матрица методов медиаисследования, система методов исследования журналистики, информационно-полевая парадигма, категориальный метод, теория журналистики, публицистика, методология научного исследования, медиа.

Abstract: in this article, the author presents his own matrix of media research methods (system of methods for the study of journalism), which is the results of comprehensive research in the field of «research methods of journalism». The object of the research was the methodology of scientific research, and the subject of the research was a set of methods of journalism research as an integral (continual) system. As a methodological base, a systematic, trialectic, conceptual and categorical approaches were used within the framework of their philosophical and anthropological paradigm.

Keywords: existential theory of journalism, philosophical and anthropological approach, matrix of media research methods, system of journalism research methods, information and field paradigm, categorical method, theory of journalism, publicism, methodology of scientific research, media.

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли кто-то будет возражать против мысли о том, что для создания полноценной теории журналистики необходимо решить две существенные проблемы: во-первых, помочь теоретической мысли с самоопределением науки о журналистике как самостоятельной дисциплины среди других социально-гуманитарных наук, и, во-вторых, скоординировать понимание ключевых понятий и терминов в медиаисследовательском поле.

Для первого необходима разработка собственной «философии» — философских оснований журналистики. Для начала хотя бы основных вопросов онтологии (существа медиа и сущности журналистики), гносеологии (описать объект и предмет общей теории журналистики), аксиологии и эстетики (определиться с ценностными, этическими и телеологическими аспектами деятельности журналистов), антропологии (уяснить функции, место и роль журналиста и журналистики в общественных отношениях). И уже затем переходить к социологии и статистике — «полевым» исследованиям.

Для решения второй проблемы необходимо опре-

делиться уже с понятийно-категориальной системой науки о журналистике: хотя бы с базовой, фундаментальной категорией. Ведь очевидно, что понятие «массовой информации», устаревшее еще в 60-е гг. XX в., совершенно не справляется с организацией знания о журналистике даже на уровне практической деятельности, не то что в теории. То же относится и к категориальной паре «фирма — товар» (в принципе к понятию «производства», пусть даже и «духовного» [1, 62]): журналистика не относится к экономическим феноменам, хотя и активно участвует в экономических отношениях.

Несмотря на казалось бы предельную ясность задач, дело теории никак нельзя назвать процветающим. Причиной видится методологическая разрозненность исследовательских взглядов. Дело даже не в различии подходов — их разнообразие лишь говорит о сложности института журналистики и многомерности феномена медиа. Проблема видится в том, что они не соотнесены друг с другом как горизонтально-уровнево, так и вертикально-иерархически: то есть **не структурированы**.

Поэтому зачастую возникает такая ситуация, когда исследователь, хорошо (и даже отлично) владеющий эмпирической, или даже частнотеоретиче-

ской дисциплинарной методологией (говоря точнее — конкретным МЕТОДОМ конкретной научной дисциплины) называет его «подходом» и пытается распространить на явления, относящиеся к более высокому классу (порядку) социальных явлений. Примеров масса: социологический, политологический, психологический и другие «подходы». Еще более яркий пример: получившая в последнее время широкое распространение МЕТОДИКА качественно-исследования «обоснованная теория» [2] вообще иной раз выдается за философско-методологическую ПАРАДИГМУ научного познания (хотя сами авторы от этого категорически остерегаются).

Еще раз отметим: плохо не то, что в науке существует множество взглядов, методов, принципов и подходов к исследованию массмедиа. Проблема в том, что они толком не описаны и не классифицированы в самой теории журналистики (в отличие от естественно-научных областей знания или математики: впрочем, проблема метода стоит очень остро и там, но на соответствующем принципиальном — парадигмальном и выше — уровне, например о необходимости разработки современной, информационно-полевой исследовательской методологии в помощь все более устаревающей и становящейся чересчур «узкой» и косной вещественно-энергетической трактовке окружающего мира [3]). Заметим — в помощь, а не вместо: мы уже проходили этап исторического развития, когда была одна, «единственно правильная» методология. Опыт истории, как и опыт науки, показал, что это бесперспективный подход. Дело за методологической системой, носящей мультипарадигмальный, взаимодополняющий характер.

Таким образом, система методов исследования журналистики должна опираться на имеющиеся междисциплинарные теории и разработки в отечественной научной мысли, постепенно избавляясь от неоправданного крена в западные концепции печати тех же 60–70-х гг. прошлого века. Этот процесс идет во всем мире, получив название «девестернизации» научной и общественной мысли [4]. Однако учитывая тот факт, что в сфере журналистики в России сложилось очень мало так называемых именных теорий (С. Г. Корконосенко), второй опорой матрицы методов должны стать именно частные социогуманитарные концепции: антропологические, этические, политологические, исторические, психологические и другие. Столь же очевидно, что третьей опорой должны стать философские основания журналистики (онтологические, гносеологические, этические и иные), если под философией понимать традиционную метафору «науки наук», метаметодологию.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В свете вышеизложенного особенно актуальными являются слова одного из крупнейших теоретиков журналистики Е. П. Прохорова, высказанные им

в монографии «Исследуя журналистику», посвященной как раз проблемам методологии исследования массмедиа. Отметив, что журналистика в XXI веке (что до сих пор недостаточно осознано общественной мыслью!) перейдет на качественно иной, более высокий, сложный (можно сказать «мультипарадигмальный») уровень, ученый заметил: «Все более осознается применительно к науке о журналистике идея «*navigare necesse est*», когда плаванье исследователя по бурным морям журналистики требует не только мужества и таланта, но еще и навигационной подготовленности, методологической культуры, причем во все возрастающих масштабах — в меру усложнения и самой журналистики, и возрастания ее общественной роли», — здесь же отметив и безрадостный факт: «Однако пока количественный рост исследований не сопровождается адекватными качественными изменениями. Между тем уровень исследовательской работы в очень значительной мере зависит от методологической «вооруженности» исследователей. Причем системной...» [5, 10].

Соглашаясь с констатированным фактом явной нелюбви исследователей медиа к огромной «литературе вопроса» по общим проблемам научной методологии и ее частным аспектам — надо, впрочем, отметить, что последняя по большей части не затрагивает специальные вопросы деятельности и бытия медиа. Исключение составляют, пожалуй, философия, социология и частично политология в силу их «встроенности» в общий поток соответствующих дисциплинарных исследований. Поэтому видятся совершенно справедливыми следующие слова патриарха отечественной медиатеории о том, что «кажется назревшей необходимостью освоения и использования накопленного методологического знания применительно к науке о журналистике, притом непременно с анализом успехов и недостатков в применении методологического знания в журналистских исследованиях. Все это может привести хотя бы к первичной разработке методологических основ исследования журналистики, которые можно использовать в работах самого разного характера — от студенческих рефератов до монографических трудов» [5].

При этом важно отметить, что совершенно ошибочным было бы утверждать, что подобная методологическая работа не ведется. Совсем наоборот: в последние годы интерес исследователей к новой методологии, в том числе к ее обновлению неуклонно растет. В Санкт-Петербурге активно работает Центр медиафилософии под руководством В. В. Савчука, по-прежнему большую работу делает факультет журналистики СПбГУ в целом (вокруг которого сложился очень перспективный для науки о журналистике круг представителей смежных дисциплин — философии, аксиологии, психологии, филологии) и конкретно под руководством С. Г. Корконосенко [6]. Периодически ведут обзор теоретических концепций

журналистики московские исследователи, с 2016 г. развернулась широкая теоретическая дискуссия в журнале «Вопросы теории и практики журналистики» (под редакцией проф. М. П. Рачкова), активны центры медиаисследований в Воронеже («Вестник ВГУ», «Акценты» под редакцией проф. В. В. Тулупова), Белгороде («Дискурс-анализ» под редакцией проф. Е. А. Кожемякина) и Челябинске («Знак: проблемное поле медиаобразования» под редакцией проф. М. В. Загидуллиной), как и во многих других региональных университетах.

Так в чем же причина указанной «методологической раздробленности», ситуации «очаговой расщепленности» медиаисследований и медиаисследователей? Причин можно назвать несколько.

1. В силу определенных идейно-теоретических установок «марксизма», кратко переосмысленных Лениным для России в его партийной концепции печати (потенциал которой так и не был раскрыт советской теорией журналистики), журналистика не рассматривалась как отдельный самостоятельный социальный институт («организатор»), а осмыслялась как часть управленческого государственного аппарата в рамках общей агитационно-пропагандистской деятельности (Отдел пропаганды и агитации ЦК, Идеологический отдел ЦК). В этой связи методологам и идеологам предлагалось рассматривать не столько философские аспекты бытования журналистики как целостного феномена, а сосредоточиться на практических моментах профессиональной деятельности журналистов: в вузах и сейчас используется описательное определение журналистики Е. П. Прохорова, которое он сам подвергал критике: «Не удается создать системную характеристику «журналистика»; пока представления о ней носят аддитивный характер («социальный институт» + «совокупность профессий» + «область творческой деятельности» + «собрание специально подобранных текстов» + «разнообразие каналов передачи массовой информации» и т.д.)» [5, 77]. Однако и в новейшее время ничего не меняется: журналистика консенсуально признается научным (и широким) сообществом лишь «деятельностью по поиску, сбору и т.д.», что закреплено в российском Законе о СМИ и принципиально не предполагает фундаментального ее переосмысления.

2. Исходя из вышестоящей концепции человека, понимающей его сугубо материалистически, как «форму существования белковых тел», производную от социума, а социум, в свою очередь, как доминирующую в нем систему производственных отношений, советская теория (не допускавшая ни идеалистических трактовок, ни тем более религиозных, мистических), так, кстати, и нынешняя российская (допускающая, наоборот, все, что угодно), не признают тот факт, что субъектом деятельности являются конкретные эмпирические люди — журналисты

и журналистские коллективы: редакции, проектные команды, творческие объединения, сообщества и другие. А следовательно и не рассматривают принципиальную СУБЪЕКТНОСТЬ журналистики, игнорируя первейший (философско-антропологический) принцип, которого требует современная философия социально-гуманитарных наук, обусловленная характером нынешней — постнеклассической — научной парадигмы.

Признание человека основным субъектом журналистики лишь одно, первое требование к современной методологии «научно-исследовательской парадигмы» ученого. Есть и другие общеметодологические принципы [7, 142–143]:

— объективность знания признается, но понимается не просто как общезначимость, а как научная консенсуальность;

— результаты научного познания всегда носят характер гипотезы, хорошо обоснованной или более приемлемой для научного сообщества в данный момент по сравнению с другими гипотезами;

— предполагается, что случайность и нелинейные законы играют фундаментальную роль в становлении и функционировании сложных систем и объектов (в особенности культуры, социума и человека);

— все научные законы и теории являются продуктом прежде всего идеализации и конструктивной мыслительной деятельности;

— возможно в принципе неограниченное число альтернативных описаний и моделей сложного объекта или системы, каждая из которых будет неполной;

— научное познание является существенно творческим процессом, порождающим множество конкурирующих между собой интерпретаций;

— научные истины не только логически доказываются и экспериментально подтверждаются, но и утверждаются в качестве таковых на основе индивидуальной или коллективной научной воли;

— полезность научных моделей не менее значима, чем степень их теоретической и экспериментальной обоснованности;

— важнейшие требования к науке, ее теориям и особенно практике — императивы экологизма и гуманизма, так как наука может приносить человечеству не только благо, но и зло;

— поскольку в любых научных знаниях и результатах содержится та или иная доля неопределенности, интерпретация научного познания как способного дать абсолютно истинное знание и абсолютно обоснованные результаты должна окончательно остаться в прошлом; основная методологическая задача — определить (хотя бы приблизительно) меру и величину этой неопределенности.

Эти тезисы носят характер междисциплинарных, то есть общезначимых рекомендаций. Однако практика показывает, что в методологических подходах исследователей журналистики в целом мало что ме-

няется. Рассуждая о состоянии культурологических исследований журналистских явлений, исследователь М. А. Воскресенская отмечает тот факт, что: «На отечественной исследовательской деятельности, в том числе изучении журналистики, не могло не сказаться также длительное засилье методологического монизма. <...> Трансформация общественно-политического устройства и экономического уклада страны в постсоветский период привела к значительным переменам в духовной сфере, однако по инерции еще долго сохранялась и до сих пор не изжита окончательно установка на приоритетность социально-политического ракурса при анализе жизнедеятельности общества, в то время как культурные механизмы его развития по-прежнему могут рассматриваться как нечто факультативное» [6, 222]. Как, отметим мы, и большинство других подходов, на что повлияли не только конкретно-исторические причины, но и внутренние «ложные» методологические установки отечественной теории.

3. Одним из главных достижений советской науки о журналистике был ее системный характер. Получение знания, его кумулятивное массовое накопление и осмысление осуществлялось на основе фундаментальных социальных закономерностей и в строгих рамках научных критериев. Да, со слишком иной раз жестким идеологическим диктатом, но при этом с тотальной, абсолютной доступностью.

С разрушением СССР были демонтированы и всеобщие научные коммуникации. Представляя собой сложноорганизованную систему, предназначенную для формального и неформального взаимодействия ученых между собой, другими социальными группами и институтами, а также обществом в целом, научные коммуникации СССР были четко структурированы горизонтально и вертикально, подкреплены на самом высоком государственном уровне организационными, коммуникационными, финансово-экономическими связями и механизмами.

С их распадом, как следствие, наука о журналистике (и без того имевшая большие сложности из-за, так сказать, «социологического уклона») утратила целостный характер, подверглась деидеологизации (лишилась единой цели и общих ценностей) и регионализации исследовательских школ (изоляция исследователей и очаговой рассредоточенности знаний). Активная деятельность различных международных организаций (как фонд Сороса и ему подобных), массово внедрявших в академическую среду западные теории, методики образования и профессиональной подготовки журналистов, привели к вестернизации методологического арсенала исследователей и к его еще большей запутанности.

5. Упавший социальный статус университетского работника, снижение зарплат, сокращения и «оптимизации» привели к разрыву традиционных научных связей и конвенций. А развал в библиотечно-из-

дательской сфере сделал фактически нереальным массовое ознакомление научного сообщества с передовыми идеями и теориями друг друга (сегодня скромный советский тираж монографии в 3–5 тысяч экземпляров считается огромным успехом, в сравнении с нормативными ныне 200 экземпляров). Конечно, есть интернет, но он являет собой по большей части иллюзию свободы информации и ее доступности: подавляющая часть пользователей не выходит за рамки привычных им (причем приятных, комплиментарных) подписок, авторов и представлений — формируя своего рода «зону комфорта» мировоззренческого характера (а в случае исследователя — «зону методологического комфорта»).

6. В массовом сознании укрепилась нелицеприятная оценка самих журналистов, что отражается в массовой литературе (кино, литературных текстах и т.д.), а в исследовательских сообществах — идея «несерьезности» журналистики и как профессиональной деятельности, и как предмета для исследований. Исследования фиксируют «заметную негативную тенденцию снижения уровня доверия аудитории к журналисту» [8]. Однако в последние 10–15 лет отношение аудитории к журналистике в целом выравнивается, балансируя, скажем так, на грани «настороженности»: «Несмотря на то, что респонденты считают журналистику уважаемой в России, сами они довольно неоднозначно оценили степень своего **доверия** современным журналистам, разделившись на три примерно равные группы: скорее доверяющих, скорее не доверяющих и имеющих более сложное отношение («когда как»)» [9].

Более того, представители хорошо разработанных дисциплин (в частности, философии и логики) достаточно сурово критикуют исследователей медиа. Так, Г. В. Иващенко и Т. В. Науменко, рассуждая о причинах неспособности теории журналистики адекватно сформулировать собственные основания, называют две причины:

— засоренность теории мифами и идеологическими концепциями, привнесенными извне, и отрицательно сказывающимися на ее способности к выявлению собственной сущности, теорией которой она является;

— низкий уровень методологической оснащенности теоретиков, пытающихся сформулировать основные положения теории. (Проблема усугубляется тем, что эти причины взаимно обуславливают друг друга, что увеличивает их отрицательный эффект.)

Результат: теория журналистики, опираясь на методологически недостаточно выверенные парадигмы, оказалась лишенной сегодня достаточных научных средств для удовлетворительного в научном плане объяснения собственного предмета. Возникло противоречие между развитым объектом (собственно журналистика как система деятельности) и его отражением в теории (теория журналистики в совре-

менном состоянии), с одной стороны, и между теоретическими результатами, полученными в теории журналистики, и современными представлениями об обществе и способах его познания, лежащими в основании социально-коммуникационных наук, с другой [10].

Подводя итог сказанному, еще раз сформулируем проблему, которая, на наш взгляд, сложилась в общей теории журналистики: *методологией науки накоплен огромный потенциал инструментов и принципов познания, но теорией журналистики он не освоен*. Во-первых, из-за узости методологии советского периода (либо филология, либо социология: по инерции эти подходы преобладают и ныне), во-вторых, из-за направленности этой методологии преимущественно на практико-эмпирический уровень журналистики, в-третьих, доминированием западных, зачастую идеологизированных методик, в-четвертых, слабой разработанностью категориального аппарата теории вследствие «засилья» исследовательского поля журналистики методологически-категориальным инструментарием других (смежных) социогуманитарных дисциплин, в-пятых, как следствие, слабой методологической подготовкой самих медиаисследователей.

Вывод очевиден: *необходимо структурировать «научно-методологическое исследовательское поле» науки о журналистике*. Для решения этого вопроса (начала «методологического движения») необходима хотя бы общая структуризация (в виде общетеоретической, общенаучной «методологической матрицы») методологического поля социогуманитарной парадигмы, в рамках которой, как правило, и ведутся медиаисследования. Эта первичная задача (проблема) и стала предметом исследования: необходимо было выявить и описать на уровне методологического инструментария категорию **«структура научно-методологического поля [социогуманитарной парадигмы] как система»**; а также определила ее актуальность: преодоление данного (начального) этапа позволит перейти к формулированию и описанию следующей категории — «структура научно-методологического исследовательского поля науки о журналистике», то есть созданию первой полноценной «методологической матрицы» медиаисследований, реализующей, во-первых, структурный (информационно-полевой) принцип построения и, во-вторых, подход к теории журналистики с позиций той или иной (в нашем случае — философско-антропологической) философии или парадигмы.

Гипотеза исследования сводилась к следующей цепочке утверждений:

а) методология в узком смысле представляет собой «целостную систему методов познания действительности, структурно представляющую собой иерархию и ставящей целью максимально адекватное (приближенное к истине) описание, объяснение

и прогнозирование (с целью управления) бытия того или иного объекта действительности» [11]. Методология в широком смысле, понимаемая как методология науки, есть часть (разновидность) «социального пространства-времени» [12], и потому также имеющая структуру «континуального порядка (*организации*)»; иными словами можно утверждать, что методология как *предметно-тематическая и познавательная деятельность человека в ее специфике и взаимосвязях* представляет собой «особую форму физической реальности наряду с веществом», то есть «поле» [7, 233].

б) методологическое поле как наиболее полная совокупность методов и процедур получения, обоснования и применения знания (способов познания мира) является «физической системой с бесконечным числом степеней свободы» [7, 233], предназначенной для адекватного отражения и моделирования реальности, и обладает определенными «вещественными» характеристиками, например неоднородностью — где-то насыщенное методологическим инструментарием, а где-то имеющее «провалы» (как в теории журналистики).

Источниками (и носителями) физических полей выступают различные частицы (например, заряженные частицы для электромагнитного поля). Соответственно, поля способны переносить энергию и взаимодействия между ними (в коммуникации — смыслы). В квантовой теории поля подобные элементарные частицы интерпретируются как «кванты»: «элементарные (либо в абсолютном, либо в относительном смысле) дискретные единицы («порции») чего-либо» [7, 206]. Можно, наверное, со всеми оговорками, говорить применительно к людям, исследователям — понимая конкретного человека как «атом» («неделимый кирпичик», «элементарную разумную частицу») разумного бытия (наряду с коллективным разумом, искусственным, сетевым и т.д.) — о поле как смысловом пространстве (и конкретно — методологическом континууме), а также о «квантах разумности» (смыслах; в нашем случае — методах) как разновидностях коммуникативного взаимодействия;

в) вне субъектной активности исследователя (исследователей — акторов научной деятельности), «научно-методологическое поле» (Н-МП) носит неактивный (бездейственное наличие — «мир идей»), гомогенный (неструктурный, хаотичный) и вещественно (материально) непроявленный характер пассивной «среды» (совершенно упрощая: без активности исследователя — не проявляет себя и среда, поле); кроме того, «в отличие от вещества (частиц материи) физические величины, характеризующие поле <...> не сосредоточены в одной точке, где в данный момент находится тело, а распределены по всему пространству, и в каждый момент времени их следует задавать для каждой точки пространства»: для нас это может означать тот факт, что персональная

(и любая) методологическая парадигма не дана раз и навсегда (подобно физическому телу), а должна каждый раз «задаваться заново» для каждой новой познавательной задачи;

г) структура научно-методического поля («инструментария») представляет собой конструкт «ядро — ближний круг — периферия»: точнее, это графически скорее центр с расходящимися от него кругами, где ядром выступает «научная парадигма исследователя» (НПИ);

д) эти «круги» и есть «уровни» научно-методологического поля (Н-МП), определяющие соответственный «инструментарный набор» или «палитру методов персональной научно-исследовательской парадигмы»: наиболее «близкие» к исследователю круги — частные методы (конкретные действия, приемы, процедуры и методики — «как найти собеседника», «как взять интервью», «как написать текст» и т.д.), наиболее «дальние» — все более абстрактные, общетеоретические и философские методы и основания (имеющие, по мере «отдаления» от личности исследователя, все более фундаментальный и всеобщий характер: индукция-дедукция => диалектика => триалектика => постнеклассическая парадигма => абсолютные ценности);

е) «научная парадигма исследователя» (НПИ) представляет собой триаду (по Е. П. Прохорову), одной из «вершин» которой выступает непосредственный субъект научной деятельности (остальными — информационно-смысловые структуры):

— **личность** исследователя (в данном аспекте — его мировоззренческие ценности и установки: зачастую неосознаваемый «дальний круг»; это — социально-философская сторона НПИ);

— **научно-журналистские знания** (теоретико-журналистская сторона НПИ);

— **общенаучная методология** (методолого-гносеологическая сторона НПИ).

Для достижения поставленной цели была сформирована (сконструирована) соответствующая методология исследования. «Основанием сборки» была избрана философская антропология. Как ведущий принцип социогуманитарной парадигмы современной постнеклассической научной картины мира он заключается в утверждении принципиальной субъектности любой человеческой деятельности. Отражением этого принципа выступают пункты «в» и «е» гипотезы исследования.

На уровне теоретико-журналистских знаний (теорий частного уровня) были использованы наработки ведущих теоретиков и методологов науки о журналистике — Е. П. Прохорова, С. Г. Корконосенко, В. В. Тулупова, М. Н. Кима, Т. В. Науменко, М. В. Загидулиной, Е. В. Ахмадулина и многих других, а также ряд положений экзистенциальной теории журналистики (как общей (мета-)теории журналистики). В частности, категориальный метод в его разновидностях, пред-

ставляющий собой (по Е. П. Прохорову) выработку «системы общенаучных понятий, «сетки» логико-интеллектуальных средств, применяемых в исследовании как познавательных инструментов. В качестве таковых категории часто характеризуются по типу «монад» (взаимодействие, противоречие), «диад» (сущность — явление; необходимое — случайное), реже — «триад» (общее — особенное — единичное; свобода — необходимость — ответственность) [5, 64–65]. Однако следует отметить, что именно триалектический метод (см. ниже), редко применяемый в методологии медиаисследований, помог решить ряд трудностей в данном исследовании, что дает право говорить о его высоком эвристическом потенциале в науке о журналистике. Пункты «г», «д» и «е» гипотезы.

На уровне общенаучной методологии были использованы: системный принцип в его структурном аспекте; формально-логический метод определения понятий [13]; а также несколько вариаций «триадного» подхода.

Так, в рамках методологии теории динамических информационных систем (ТДИС), предполагающей «переход интеллектуальной культуры от вещественно-энергетического к информационно-полевому миропониманию» [14, 171], нами был применен метод триадической дешифровки категорий (чего, насколько можно судить, в теории журналистики никто ранее не делал). В частности, была сформулирована и проанализирована категория «структура научно-методологического поля [социогуманитарной парадигмы] как система». Также применялась такая разновидность триадного подхода (триалектического метода), как метод триадных полей [15] (пункты «а», «б», «в», «е» гипотезы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Комплексное применение указанных методов позволило решить поставленные задачи и получить положительные результаты. Основной интенцией научного поиска выступила идея структурности исследовательских полей в рамках философской идеи взаимовложенности когнитивных структур.

Принцип структурности предполагает «наличие или конструирование в изучаемом предмете определенных подсистем, между которыми фиксируется или вводится вертикальная иерархия по степени подчиненности, или субординация подсистем» [7, 255]. Если под «структурой» понимать такую систему отношений между конкретными элементами (схему, модель, матрицу), которая является относительно самостоятельным и независимым от конкретного содержания элементов конструктом (и в силу этого может исследоваться в науке как самостоятельный предмет), то с этой точки зрения научная методология очевидно представляет собой иерархию: процедуры определяются методиками, методики — метода-

ми, методы — теорией, теории — парадигмами и т.д. Это и есть «иерархия по степени подчиненности».

«Субординация подсистем» будет отражать тесные взаимосвязи как между уровнями (в зависимости от уровня, например, «метод» может преобразовываться в «подход», а «теория» в «научно-методологический принцип», или наоборот), так и внутри них: набор конкретных методов исследования («подсистема») для одного и того же предмета (например, истории журналистики) будет задаваться выбором исследователем того или иного «научного принципа» на метатеоретическом (междисциплинарном) уровне — исторического, философского, художественного и т.д.

Необходимо сказать несколько слов о категории «поле». Понятие «поля» как особой формы физической реальности наряду с веществом широко применяется в естествознании («электромагнитное», «гравитационное» поле, «поле ядерных сил», квантовые поля) и постепенно расширяет свое эвристически-смысловое применение в биологических науках («биополе»). Во избежание ненужных споров мы в работе декларируем близость, скорее, к опыту продуктивного использования категории «поля» в языкознании, эпистемологии и психологии («семантические поля» и «семантические сети»; «смысловые поля»; «поля ассоциаций» и т.д.), а также в дискурсологии: собственно «дискурсы», «дискурсивные практики».

Не вдаваясь в подробности длительного и сложного анализа и сопоставления вышеуказанных категорий, для данной статьи мы считаем достаточным следующее понимание «поля»: это ситуативный смысловой континуум, образующийся относительно «нулевого» высказывания («артетекста»), обладающий системными (взаимодействие со «средой-контекстом» ситуации речевого общения), динамическими (расширяется, изменяется, усложняется) и структурными качествами (представляет собой ассоциативно-смысловую многоуровневую распределенную сеть) и являющийся свойством («атрибутом») разумной субъектности порождающих его конкретных эмпирических людей (участников общения).

С этой точки зрения категория «научно-методологическое поле» вполне может быть истолкована как разновидность научного дискурса:

Н-МП — это ситуативно активизируемый вопрошающей интенцией (сознанием, текстом) конкретного исследователя смысловой континуум (дискурс), содержащий знания, опыт и мировоззренческие переживания ранее бывших и ныне существующих ученых относительно истинного устройства окружающего мира, постоянно обогащающийся все новыми методами, способами и другими инструментами познания действительности и представляющий собой архисложную ассоциативно-смысловую понятийно-категориальную сеть, имеющую иерархически-уровневую структуру.

Тогда в свернутом виде определение Н-МП будет таким:

— разновидность научного дискурса (дискурсивная практика), содержащая в «свернутом» виде совокупность научно-методологического инструментария познания действительности в системном, основанном на сетевой структуре, ассоциативно-смысловом и категориально-понятийном виде.

В этом варианте предложенная дефиниция явно коррелирует с энциклопедическим определением дискурсивной практики вообще и дискурса в частности, которые «суть продукт и форма человеческой жизни с волей, энергией и самоутверждением субъектов дискурса. Реальные дискурсы очень вариативны и многообразны, многозначны и многослойны, существенно ситуативны и во многом детерминированы реальным состоянием и возможностями существующего контекста дискурса как локального характера (контекста личностного знания и личных целей), так и глобального характера — структурой наличной социокультуры» [7, 354–355]. В нашем случае такой социокультурой выступает научно-методологическая культура.

Во второй части данной статьи мы перейдем к непосредственному описанию структуры научно-методологического поля (Н-МП).

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Першке Г. Журналистика как отрасль духовного производства // Основные понятия теории журналистики: (Новые подходы к пробл.) / [И. Д. Фомичева, Е. П. Прохоров, Г. Першке и др.]; под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 205 с.
2. Страус А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страус, Дж. Корбин; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
3. Разумов В. И. Новые интеллектуальные технологии в обучении / В. И. Разумов, В. П. Сизиков // Философия образования. — 2015. — № 5 (62). — С. 11–25.
4. Загидуллина М. В. Теория журналистики: к вопросу об индигенизации отечественных медиаисследований / М. В. Загидуллина // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2015. — № 1 (15). — С. 64–73.
5. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику / Е. П. Прохоров. — М.: РИП-Холдинг, 2005. — 202 с.
6. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Короносенко. — СПб.: Алетейя, 2018–254 с.
7. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С. А. Лебедев. — М.: Академический проект, 2008. — 692 с.
8. Быкова Ю. Н. Образ журналиста: эволюция восприятия в новейшее время / Ю. Н. Быкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. — С. 5–7.

9. «Образ журналистов в массовом сознании россиян»: Аналитический отчет по результатам массового опроса населения РФ.— Фонд «Медиастандарт», Исследовательская группа ЦИРКОН, 2018.— Режим доступа: www.msindex.ru (дата обращения: 15.09.2020).

10. Иващенко Г. В. Философские проблемы теории журналистики как область исследований / Г. В. Иващенко, Т. В. Науменко // Credo New: электрон. теоретический журнал. — 1999.— Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/142/51/> (дата обращения: 15.09.2020).

11. Дмитриевский А. Л. Методика медиаисследования: учебно-методическое пособие.— Орел: ИПФ «Картуш», 2018.— 22 с.

12. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А. В. Соколов.— СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.— 461 с.

13. Светлов В. А. Современная логика: учеб. пособие / В. А. Светлов.— СПб.: Питер, 2006.— 400 с.

14. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов.— М.: ИНФРА-М, 2020.— 227 с.

15. Маврина И. А. Эволюция предмета, цели и задач социальной работы / И. А. Маврина, В. И. Разумов // Социальная педагогика и социальная работа в Сибири.— 2008.— № 1.— С. 29–38.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

*Дмитриевский А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

*Orel State University named after I. S. Turgenev
Dmitrovsky A. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the of Journalism and Public Relations Department
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*